

М.Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН
(1826—1889)

Дневник провинциала в Петербурге

V

<...> Прибежав домой, я с лихорадочной поспешностью вынул из кармана данную мне Прелестновым рукописную тетрадку и на заглавном листе ее прочитал:

Устав Вольного Союза Пенкоснимателей

Но в глазах у меня рябило, дух занимало, и я некоторое время не мог прийти в себя. Однако ж две-три рюмки водки — и я был уже в состоянии продолжать.

«Устав» разделен на семь параграфов, в свою очередь подразделенных на статьи. Каждая статья снабжена объяснением, в котором подробно указываются мотивы, послужившие для статьи основанием.

«Устав» гласил следующее:

§1. Цель учреждения Союза и его организация

Ст. 1. За отсутствием настоящего дела и в видах безобидного препровождения времени, учреждается учебно-литературное общество под названием «Вольного Союза Пенкоснимателей».

Объяснение.

в журнале «вестник пенкоснимания», в статье «вольный союз пенкоснимателей перед судом общественной совести», сказано: «в сих печальных обстоятельствах какой исход предстоял для русской литературы? — по нашему посильному убеждению, таких исходов было два: во-первых, принять добровольную смерть, и во-вторых, развиться в «вольный союз пенкоснимателей». она предпочла последнее решение, и, смеем думать, поступила в этом случае не только разумно, но и вполне согласно с чувством собственного достоинства. зачем умирать, когда в виду еще имеется обширное и плодотворное поприще пенкоснимания?»

Ст. 2. Никакой организации Союз не имеет. Нет в нем ни президентов, ни секретарей, ни даже совокупного обсуждения общих всем пенкоснимателям интересов, по той простой причине, что из столь невинного занятия, каково пенкоснимание, никаких интересов проистечь не может.

Союз сей — вольный по преимуществу. Каждому предоставляется снимать пенки с чего угодно и как угодно, и эта уступка делается тем охотнее, что в подобном занятии никаких твердых правил установить невозможно.

Объяснение.

В той же статье далее говорится: «Что же такое этот «Вольный Союз Пенкоснимателей», который, едва явившись на свет, уже задал такую работу близнецам «Московских Ведомостей»? Имеет ли он в виду проведение каких-либо разрушительных начал? Или же представляет собой, как уверяют некоторые доброжелатели нашей прессы, хотя и невинное, но все-таки недозволенное законом тайное общество? Мы

смело можем ответить на эти вопросы: ни того, ни другого предположить нельзя. Пенкоснимательство составляет в настоящее время единственный живой общественный элемент; а ежели оно господствует в обществе, то весьма естественно его господство и в литературе. Пенкосниматели всюду играют видную роль, и литература *обязана была* раскрыть им свои двери сколь возможно шире. И она сделала это тем бестрепетнее, что пенкосниматели суть вполне вольные люди, приходящие в литературный вертоград с одним чистым сердцем и вполне свободные от какой бы то ни было мысли. Поэтому говорить о какой-то организации, о каких-то тайных намерениях — просто смешно. Этим чистым людям самая мысль об организации должна быть противна.

§ 2. О членах Союза

Ст. 1. В члены Союза Пенкоснимателей имеет право вступить всякий, кто может безобидным образом излагать смутность испытываемых им ощущений. Ни познаний, ни тем менее так называемых идей не требуется. Но ежели бы кто, видя, как извозчик истязует лошадь, почел бы за нужное, рядом фактов, взятых из древности или из истории развития современных государств, доказать вред такого обычая, то сие не токмо не возбраняется, но именно и составляет тот высший вид пенкоснимательства, который в современной литературе известен под именем «науки».

Объяснение.

Там же: «Чувство, одушевляющее пенкоснимателя, есть чувство наивной непосредственности. А так как чувство это доступно всякому, то можно себе представить, как

громадно должно быть число пенкоснимателей! Но само собою разумеется, что в тех случаях, когда это чувство является во всеоружии знания и ищет применений в науке, оно приобретает еще большую цену. Хорош пенкосниматель-простоец, но ученый-пенкосниматель — еще того лучше. Появление сих последних на арене нашей литературы есть признак утешительный и, смеем думать, даже здоровый. Пора, наконец, убедиться, что наше время — не время широких задач и что тот, кто, подобно автору почтенного рассуждения: «Русский романс: Чижик! чижик! где ты был? — перед судом здоровой критики», сумел прийти к разрешению своей скромной задачи — тот сделал гораздо более, нежели все совокупно взятые утописты-мечтатели, которые постановкой «широких» задач самонадеянно волнуют мир, не удовлетворяя оногo <...>

§ 3. О приличнейшей для пенкоснимательства арене

Ст. 1. Рассеянные по лицу земли, лишенные организации, не связанные ни идеалами, ни ясными взглядами на современность — да послужат российские пенкосниматели на славном поприще российской литературы, которая издревле всем без пороху палящим приют давала!

Объяснение.

Об этом предмете газета «Зеркало Пенкоснимателя» выразилась так: «Где самое сподручное поприще для пенкоснимателя? — очевидно, в литературе. Всякая отрасль человеческой деятельности требует и специальной подготовки, и специальных приемов. Сапожник обязуется шить *непрерменно* сапоги, а не подобие сапогов, и, чтобы достигнуть этого, *непрерменно*

должен знать, как взять в руку шило и дротву. Напротив того, публицист очень свободно может написать не передовую статью, а лишь подобие оной, и нимало не потерять своей репутации. Отсюда ясно, что одна литература может считать себя свободною от обязательства изготовлять работы вполне определенные и логически последовательные. Составленная из элементов самых разнообразных и никаким правилам не подчиненных, она представляет для пенкоснимательства арену тем более приличную, что на оную, в большинстве случаев, являются люди, неискушенные в науках, но одушевляемые единственно жаждой как можно более собрать пенок и продать их по 1 к. за строчку».

§ 4. Об обязанностях членов Союза

Ст. 1. Обязанности сии суть:

Первое. Не пропуская ни одного современного вопроса, обо всем рассуждать с таким расчетом, чтобы никогда ничего из сего не выходило.

Объяснение.

В газете «Старейшая Всероссийская Пенкоснимательница» читаем: «Странный вы человек, читатель! Как хотите вы, чтобы мы высказывались ясно, когда, с одной стороны, нам угрожает за это административная кара, а с другой стороны, мы и сами вполне ясных представлений о вещах не имеем?!» Об этом же предмете, в еженедельном издании «Обыватель Пенкоснимающий», в статье <Отповедь «Старейшей Всероссийской Пенкоснимательнице»> (служащей ответом на предыдущую статью), сказано: «С одной половиной этой мысли мы имеем полную готовность

согласиться весьма безусловно. Что ж делать! Старейшая наша Пенкоснимательница всегда имеет такие мысли, что лишь половина оных надлежащую здравость имеет, другая же половина или отсутствует, или идет навстречу первой, как два столкнувшиеся в лоб поезда железной дороги, нечаянно встречающиеся. Итак, если мы положим руку на сердце, то оно скажет нам, что мы действительно истинно здравых понятий о вещах в своем яснопостижении обладать не можем. Это так. Но чтобы за сие нас ожидала какая-то административная кара — это никогда!! Это не есть в пределах возможности!!».

Второе. По наружности иметь вид откровенный, и даже смелый, внутренне же трепетать.

Объяснение.

В газете «Зеркало Пенкоснимателя» говорится: «Одно из величайших затруднений для успехов пенкоснимательства в будущем заключается в следующем. Читатель любит, чтобы беседующий с ним публицист имел вид открытый и даже смелый; цензура, напротив, не любит этого. Каким образом пройти между Харибдой и Сциллой? Каким образом, с одной стороны, не растерять подписчиков, а с другой — не навлечь на себя кару закона? — в этом именно и заключается задача современного пенкоснимателя. До сих пор единственное практическое решение этой задачи было таково: смелый вид иметь лишь по наружности, а правильностью такого решения, мы, с своей стороны, полагали бы нелишним, для большей смелости, прибегать при этом к некоторым фразам, которые, по внутренне трепетать. Соглашаясь вполне с мнением нашему, могли бы с успехом послужить для достижения

обоих высказанных выше целей. Фразы эти суть: «мы предупреждали», «мы предсказывали», «мы предвидели» и т.д. Примененные к делу пенкоснимательства, эти фразы никакой в цензурном отношении опасности не представляют, а между тем публицисту придают вид бодрый и отчасти даже проницательный».

Третье. Усиливать откровенность и смелость по мере того, как предмет, о котором заведена речь, представляет меньшую опасность для вольного обсуждения. Так, например, по вопросу о неношении некоторыми городскими на виду блях надлежит действовать с такою настоятельностью, как бы имелось в виду получить за сие третье предостережение.

Объяснение.

Газета «Истинный Российский Пенкосниматель» выражается по этому поводу так: «В сих затруднительных обстоятельствах литературе ничего не остается более, как обличать городских. Но пусть она помнит, что и эта обязанность не легкая, и пусть станет на высоту своей задачи. Это единственный случай, когда она не в праве идти ни на какие сделки и, напротив того, должна высказать ту твердость и непреклонность, которую ей не дано привести в действие по другим вопросам».

Четвертое. Рассуждая о современных вопросах, стараться, по возможности, сокращать их размеры.

Объяснение.

В газете «Старейшая Всероссийская Пенкоснимательница» читаем: «Наклонность

расплываться и захватывать вширь исстари была самым важным, так сказать, органическим нашим недостатком. Рассматривая, например, поступок городского бляха № 000, мы никак не упустим, чтобы не зацепить по дороге и весь почтенный институт городских. Понятно, какое раздражение должен породить подобный неосновательный образ действий не только в гг. городских, но и в гг. участковых и околоточных надзирателях, их непосредственных начальниках. Поэтому, ввиду благодетельного поворота нашей литературы в смысле пенкоснимательства, мы не обинуясь и во всеуслышание говорим: не раздражайте! Говорите сколько угодно о бляхе № 000, но не касайтесь института. *Silenzio! Prudenzia!* — как поют хористы в итальянской опере. Не раздражайте».

Пятое. Ежеминутно обращать внимание читателя на пройденный им славный путь. Но как при сем легко впасть в ошибку, то есть выдать славное за неславное и наоборот, то наблюдать скромность и осмотрительность.

Объяснение.

«Обыватель Пенкоснимающий» выражается так: «С тех высот, на коих мы находимся, полезно, хотя бы и с головокружением, взглядывать на путь, который уже пройден нами. Оглянемся — и что ж увидим? Увидим бездну, в которой многое и прекрасно и своевременно, многое же только прекрасно, хотя, быть может, и не столь своевременно. Но назовем ли мы прекрасное безусловно прекрасным, а несвоевременное безусловно несвоевременным? Нет, мы остережемся от такого опрометчивого поступка, омрачающего нашу совесть! Ибо мы не знаем, действительно ли прекрасно для

читателя то, что мы считаем прекрасным для себя. Мы опасаемся, как бы не назвать прекрасным то, что для читателя совсем не есть потребно, и непотребным то, что для него всегда было прекрасно, и теперь оставалось бы таковым, если бы не внезапность обстоятельств, изменившая все к наилучшему (см. соч. Токквилья: «L'ancien regime et la Revolution»). И если бы кто-нибудь взял на себя труд заверять нас, что все сие есть бессмыслица, то мы на сие ответствовали бы: «судите сами! Мы же, с божьей помощью, и впредь такоево намерены говорить!» На эту заметку «Зеркало Пенкоснимателя» возражало: «Из целого леса бессмыслиц, которыми переполнена заметка почтенной газеты, выделяется только одна светлая мысль: нужно обращать внимание русского общества на пройденный им славный путь, но не следует делать никакой критической оценки этому пути. Эта мысль справедлива уже по тому одному, что не все вкусы одинаковы, а следовательно, трудно угадать, кому из подписчиков нравится арбуз, а кому — свиной хрящик».

Шестое. Обнадеживать, что в будущем ожидает читателей еще того лучше <...>

Осьмое. Всемерно опасаться, как бы все сие внезапно не уничтожилось. <...>

Девятое. Опасаться вообще.

Объяснение.

В той же газете говорится: «Как ни величественно зрелище бури, уничтожающей все встречающееся ей на дороге, но от этой величественности нимало не выигрывает положение того, кто испытывает на себе ее

действие. Вот почему благоразумные люди не вызывают бурь, а опасаются их: они знают, что стоит подуть жестокому аквилону — и их уж нет! Мы советуем нашим противникам подумать об этом, и ежели они последуют нашему совету, то, быть может, поймут, что роль пенкоснимателя (то есть человека опасющегося по преимуществу) далеко не столь смешна, как это может показаться с первого взгляда. В этой роли есть даже много трагического». <...>

§ 6. Что сие означает?

Ст. 1. Вопрос этот ближе всего разрешается «Старейшею Всероссийскою Пенкоснимательницею», которая, задавшись вопросом: «во всех ли случаях необходимо приходиться к каким-либо заключениям?» — отвечает так: «Нет, не во всех. Жизнь не мертвый силлогизм, который во что бы то ни стало требует логического вывода. Заключения, даваемые жизнью, не зависят ни от посылок, ни от общих положений, но являются *ex abrupto* и почти всегда неожиданно. Поэтому, ежели мы нередко ведем с читателем беседу на шести столбцах и не приходим при этом ни к каким заключениям, то никто не в праве поставить нам это в укор. Укорителям нашим мы совершенно резонно ответим: каких вы требуете от нас заключений, коль скоро мы с тем и начали нашу речь, чтобы ни к каким заключениям не приходиться?»

§ 7. Цель учреждения Союза и его организация

Ст. 1. За отсутствием настоящего дела и в видах безобидного препровождения времени, учреждается учебно-литературное общество под названием «Вольный Союз Пенкоснимателей».

.....

.....

Я кончил. Не знаю, как это случилось, но едва я успел дочитать последнее слово «Устава», как мной овладел глубочайший сон.

В этом сне я пробыл до тех пор, когда пробил час ехать к Прелестнову. Что происходило потом — до следующей главы.

VI

«Так вот вы каковы! — думалось мне, покуда я шел к Прелестнову, — заговорщики! почти что революционеры!»

Вот к чему привело классическое образование! вот что значит положить в основание дальнейшей деятельности диссертацию «Гомер как человек, как поэт и как гражданин»! Ум, векую шатающийся, ум, оторванный от действительности, воспитанный в преданиях Греции и Рима, может ли такой ум иметь что-нибудь другое в виду, кроме систематического, подрывающего основы общественности, пенкоснимательства?

А что, ежели они... да с оружием в руках! Страшно подумать! А мы-то сидим в провинции и думаем, что это просто невинные люди, которые увидят забор — поют: забор! забор! увидят реку — поют: река! река! Как бы не так — «забор»! Нет, это люди себе на уме; — это люди, которые в совершенстве усвоили суворовскую тактику. «Заманивай! заманивай!» —

кричат они друг другу, и все бегут, все бегут куда глаза глядят, затылком к опасности!

И как хитро все это придумано! По наружности, вы видите как будто отдельные издания: тут и «Старейшая Всероссийская Пенкоснимательница», и «Истинный Российский Пенкосниматель», и «Зеркало Пенкоснимателя», а на поверку выходит, что все это одна и та же сказка о белом бычке, что это лишь рубрики одного и того же ежедневно-еженедельно-ежемесячного издания «Общероссийская Пенкоснимательная Срамница»! Каков сюрприз!

Но этого мало. Мало того, что родные братья притворяются, будто они друг другу только седьмая вода на киселе, — посмотрите, как они враждуют друг с другом! «Мы, — говорит один, — и только одни мы имеем совершенно правильные и здравые понятия насчет института городских, а вам об этом важном предмете и заикаться не следует!» — «Нет, — огрызается другой, — истинная компетентность в этом деле не на вашей, а на нашей стороне. Мы первые подали мысль о снабжении городских свистками — а вы, где были вы, когда мы предлагали эту спасительную меру? И после этого вы осмеливаетесь утверждать, что мы не имеем сказать ничего плодотворного по вопросу о городских! Но мы отдаем наш спор на суд публики и ей предоставляем решить, какого названия заслуживает взводимая на нас нахальная ложь!»

Читая эти вдохновенные речи, мы, провинциалы, задумываемся. Конечно, говорим мы себе, эти люди невинны, но вместе с тем как они непреклонны! посмотрите, как они козыряют друг друга! Как они способны замучить друг друга по вопросу о выеденном яйце!

Обман двойной! во-первых, они не невинны; во-вторых, совсем не непреклонны, и ежели затеяли между собой полемику, то единственно, как говорится, для оживления своих столбцов и страниц.

Невинны! на чем основано это мнение? На том ли, что все они славословят, и поют хвалу? На том ли, что все в одно слово прорицают: тише! не расплывайтесь! не заезжайте! не раздражайте?! Прекрасно. Я первый бы согласился, что нет никакой опасности, если бы они кричали «тише!» — каждый сам по себе. Но ведь они кричат все вдруг, кричат единогласно — поймите это, рада Христа! Ведь это уж скоп! Ведь этак можно с часу на час ожидать, что они не задумаются кричать «тише!» — с оружием в руках! Ужели же это не анархия?!

Да; это люди опасные, и нечего удивляться тому, что даже сами они убедились, что с ними нужно держать ухо востро. Но сколько должно накопиться горечи, чтобы даже на людей, кричащих: тише! — взглянуть оком подозрительности?! чтобы даже в них усмотреть наклонности к каким-то темным замыслам, в них, которые до сих пор выказали одно лишь мастерство: мастерство впиваться друг в друга по поводу выеденного яйца!

Что же касается до непреклонности, то мне невольно припомнилось, как в былое время мой друг, Никодим Крошечкин, тоже прибегал к полемике «в видах оживления столбцов издаваемой им газеты».

То было время господства «Британии» и эстетических споров. Никодим редижировал какую-то казенную газету, при которой, для увеселения публики, имелся и литературный отдел. На приобретение материала для этого отдела Никодиму выдавалась какая-то неизмеримо малая сумма, с помощью которой он и обязывался три дня в неделю «оживлять столбцы

газеты». <...> Бился он, бился — и вдруг нашел. К величайшему удивлению, мы стали замечать, что Никодим ведет газету на славу, что «столбцы ее оживлены», что в ней появилась целая стая совершенно новых сотрудников, которые неустанно ведут между собой живую и даже ожесточенную полемику по поводу содержания московских бульваров, по поводу ненужности посыпания песком тротуаров в летнее время и т.д. Заинтригованные в высшей степени, мы всем хором приступили к Никодиму с вопросом: что сей сон значит? — И что ж оказалось! — Что он, Никодим, просто-напросто полемизирует сам с собою! Что он в одном своем лице соединяет и Корытникова, и Иванова, и Федула Долгомостьева, и Прохожего, и Проезжего и т.д. <...>

И вот теперь, когда я ближе ознакомился с «Уставом Вольного Союза Пенкоснимателей» и сопоставил начертанные в нем правила с современной литературною и журнальною действительностью, я не мог воздержаться, чтобы не воскликнуть: да это Никодим! это он, под разными псевдонимами полемизирующий сам с собою! <...>

IX

<...> Бродя в тоске по комнате, я припоминаю, что меня, между прочим, обвиняли в пропаганде идеи оспопрививания, — и вдруг обуреваюсь желанием высказать гласно мои убеждения по этому предмету. «Напишу статью, — думал я; — Менандр тиснет, а при нынешней свободе книгопечатания, чего доброго, она даже и пройдет. Тогда сейчас отиск в карман — и в суд. Вы меня обвиняете в пропаганде оспопрививания

— вот мои убеждения по этому предмету! они напечатаны! я не скрываю их!».

Задумано — сделано. Посыльный летит к Менандру с письмом: «Любезный друг! ты знаешь, как горячо я всегда принимал к сердцу интересы оспопрививания, а потому не желаешь ли, чтоб я написал для тебя об этом предмете статью?». Через час ответ: «Ты знаешь, мой друг, что наша газета затем, собственно, и издается, чтобы распространять в обществе здравые понятия об оспопрививании! Пиши! сделай милость, пиши! Статья твоя будет украшением столбцов» — и т.д.

Стало быть, за перо! Но тут, на первых же порах — затруднение. Некоторые полагают, что оспопрививание было известно задолго до Рождества Христова, другие утверждают, что *не* задолго, третьи, наконец, полагают, что открытие это сделано лишь после Рождества Христова. Кто прав, — до сих пор неизвестно. Опять мчится посыльный к Менандру: следует ли упоминать об этом в статье? *Через* час ответ: следует говорить обо всем. И о том, что было до Рождества Христова, и о том, что было по Рождестве Христове, и о том, что неизвестно. Потому что статья будет выглядеть солиднее. <...>

<...> К трем часам моя работа была уж готова и отослана к Менандру с запросом такого содержания: «Не написать ли для тебя статью: кто была Тибуллова Делия? Кажется, теперь самое время для подобных статей!». Через час ответ: «Сделай милость! Твое сотрудничество драгоценно, потому что ты один знаешь, когда, что и как сказать. Все пенкосниматели в эту минуту в сборе в моей квартире и все в восторге от твоей статьи. Завтра, рано утром, «Старейшая Русская Пенкоснимательница» будет у тебя на столе *с привитою оспою*».

Опять в руки перо — и к вечеру статья готова. Рано утром на другой день она была уже у Менандра с новым запросом: «Не написать ли еще статью: «Может ли быть совмещен в одном лице промысел огородничества с промыслом разведения козлов?». Кажется, теперь самое время!» К полудню — ответ: «Сделай милость! присылай скорее!»

Таким образом в течение семи дней, кроме поименованных выше статей, я сочинил еще четыре, а именно: «Геморрой — русская ли болезнь?», «Нравы и обычаи летучих мышей», «Единокровные и единоутробные перед лицом римского законодательства» и «Несколько слов о значении и происхождении выражения: гомерический смех». На восьмой день я занялся собиранием материалов для двух других обширных статей, а именно: «Церемониал при погребении великого князя Трувора» и «Как следует понимать легенду о сожжении великою княгиней Ольгою древлянского города Коростеня?». Статьи эти я полагал поместить в «Вестнике Пенкоснимательства», снабдив их некоторыми намеками на текущую современность.

Во всех семи напечатанных статьях моих оказалось четыре тысячи строк, за которые я получил, считая по пятиалтынному за строку, шестьсот рублей серебрецом-с! Да ежели еще «Вестник Пенкоснимательства» рублей по двести за лист отвалит (в обеих статьях будет не менее десяти листов) — ан сколько денег-то у меня будет?

Я упивался моей новой деятельностью, и до того всецело предался ей, что даже забыл и о своем заключении, и о том, что вот уж десятый день, а никто меня никуда не требует и никакой резолюции по моему делу не объявляет. Есть нечто опьяняющее в положении

публициста, исследующего вопрос о происхождении Делии. И хочется «пролить новый свет», и жутко. Хочется сказать: нет, г. Сури (автор статьи «La Delia de Tibulle», помещенной в «Revue des deux Mondes» 1872 года), вы ошибаетесь! — и в то же время боишься: а ну, ежели я сам соврал? А соврать немудрено, ибо что такое, в сущности, русский публицист? — это не что иное, как простодушный обыватель, которому попалась под руку «книжка» (всего лучше, если маленькая) и у которого есть твердое намерение получить по пятиалтынному за строчку, Нет ли на свете других таких же книжек — он этого не знает, да и знать ему, собственно говоря, не нужно, потому что, попадись под руку «другие» книжки, они только собьют его с толку, загромоздят память материалом, с которым он никогда не справится, — и статьи не выйдет никакой. То ли дело — «одна книжка»! Тут остается только прочесть, «смекнуть» — и ничего больше. И вот он смекает, смекает — и чем больше смекает, тем шире становятся его горизонты. Наконец статья, с божьей помощью, готова, и в ней оказывается двенадцать столбцов, по пятидесяти строчек в каждом. Положите-ка по пятиалтынному-то за строчку — сколько тут денег выйдет!

Одно опасно: наврешь. Но и тут есть фортель. Не знаешь — ну, обойди, помолчи, проглоти, скажи скороговоркой. «Некоторые полагают», «другие утверждают», «существует мнение, едва ли, впрочем, правильное» — или «по-видимому, довольно правильное» — да мало ли еще какие обороты речи можно изыскать! Кому охота справляться, точно ли «существует мнение», что оспопрививание было известно задолго до Рождества Христова? Ну, было известно — и Христос с ним!

Или еще фортель. Если стал в тупик, если чувствуешь, что язык у тебя начинает коснеть, пиши смело: об этом поговорим в другой раз — и затем молчок! Ведь читатель не злопамятен; не скажет же он: а ну-ко, поговори! поговори-ка в другой-то раз — я тебя послушаю! Так это дело измором и кончится...

Итак, работа у меня кипела. Ложась на ночь, я представлял себе двух столоначальников, встречающихся на Невском.

— А читали ли вы, батюшка, статью: «Может ли быть совмещен в одном лице промысел огородничества с промыслом разведения козлов?» — спрашивает один столоначальник.

— Еще бы! — восклицает другой.

— Вот это статья! какой свет-то проливает! Директор у нас от нее без ума. «Дочери! говорит, дочери прикажу прочитать!»

Сердце мое начинает играть, живот колышется, и все мое существо наполняется сладким ликованием... <...>

XI

<...> «Хищник» — вот истинный представитель нашего времени, вот высшее выражение типа нового ветхого человека. «Хищник» проникает всюду, захватывает все места, захватывает все куски, интригует, сгорает завистью, подставляет ногу, стремится, спотыкается, встает и опять стремится... Но кроме того, что для общества, в целом его составе, подобная непрерывающаяся тревога жизни невыносима, — даже те отдельные индивидуумы, которые чувствуют себя затянутыми в водоворот ее, не могут отнестись к ней как к действительной цели жизни. «Хищник» несчастлив, потому что если он, вследствие своей

испорченности, и не может отказаться от тревоги, то он все-таки не может не понимать, что тревога, в самом крайнем случае, только средство, а никак не цель. Допустим, что он неразвит, что связь, существующая между его личным интересом и интересом общим, ускользает от него; но ведь об этой связи напомним ему сама жизнь, делая тревогу и озлобление непременно условием его существования. «Хищник» — это дикий в полном значении этого слова; это человек, у которого на языке нет другого слова, кроме глагола «отнять». Но так как кусков разбросано много, и это заставляет глаза разбегаться; так как, с другой стороны, и «хищников» развелось не мало, и строгого распределения занятий между ними не имеется, то понятно, какая масса злобы должна накопиться в этих вечно алчущих сердцах. Самое торжество «хищника» является озлобленным. Он достиг, он Удовлетворен, но у него, во-первых, есть еще нечто впереди, и, во-вторых, есть счета сзади...

Но масса тем не менее считает «хищников» счастливыми людьми и завидует им! Завидует, потому что это тот сорт людей, который, в настоящую минуту, пользуется наибольшею суммой внешних признаков благополучия. Благополучие это выражается в известной роскоши обстановки, в обладании более или менее значительными суммами денег, в легкости удовлетворения прихотям, в кутежах, в разврате... Массы видят это и сгорают завистью. Но стоит только пристальнее взглянуть в эти так называемые «удовольствия» хищников, чтоб убедиться, что они лишены всякого увлечения, всякой искренности. Это тяжелые и мрачные оргии, в которых распутство служит временным, заглушающим противовесом той грызущей тоске, той гнетущей пустоте, которая необходимо

окрашивает жизнь, не видящую ни оправдания, ни конца для своих тревог.

За «хищником» смиренно выступает чистенький, весь подпернутый «пенкосниматель». Это тоже «хищник», но в более скромных размерах. Это почтительный пролаз, в котором «сладкая привычка жить» заслонила все прочие мотивы существования. Это тихо курлыкающий панегирист хищничества, признающий в нем единственную законную форму жизни и трепетно простирающий руку для получения подачки. Это бессовестный человек, не потому, чтобы он сознательно совершал бессовестные дела, а потому, что не имеет ясного понятия о человеческой совести.

«Хищник» проводит принцип хищничества в жизни; пенкосниматель возводит его в догмат и сочиняет правила на предмет наилучшего производства хищничества. <...>

*Салтыков-Щедрин М.Е. Полн. собр. соч. В 20 т.
М, 1970. Т. 10. С. 389—401, 490—492, 551—553.*